

1137-07.05 (1137-07.05) (1137-07.05) Добравянская Моника

РИСКИ И РАДОСТИ «КОМИКАДЗЕ»

Моника Добравянская (на снимке) – режиссер. Сама она акцентирует: с в о б о д н ы й режиссер. Родилась в Польше. Училась на театральных курсах сначала в Краковском университете, затем в Познани. В конце 1980-х переехала в Германию, где продолжила театрально-университетское образование в Бохуме. Еще во время учебы начала работать с разными театральными коллективами – как государственными, так и независимыми. В Минск на международный фестиваль «Панорама» она была приглашена в качестве ре-

жиссера-постановщика для участия в проекте «On-line» – тех самых «боевых учениях», о которых на страницах этого номера «ТД» уже упоминал заместитель министра культуры Республики Беларусь В.П.Рылатко. Работа Моника и ее постановочной группы была очень тепло встречена зрителями. Поэтому именно ее мы попросили рассказать о «скоростной» работе над спектаклем и поделиться с читателями «ТД» своими соображениями относительно проекта «On-line».

– Имеете ли Вы опыт участия в подобных проектах?

– Похожие задачи, связанные с режиссированием новых пьес в достаточно короткие сроки, приходилось решать, но в рамках творческих лабораторий, где не предполагался публичный показ для зрителей. Фестиваль «Панорама» дал совершенно новый опыт по многим параметрам.

Я впервые вела репетиции на русском языке. Организационный режим подготовки спектакля заставлял быть очень собранной. Я заранее не знала, какую пьесу буду ставить, с какими актерами. Временные рамки были очень жесткими: готовую работу нужно было подготовить к показу за пять дней.

– Не противоречит ли такая «гонка» законам актерской и режиссерской профессий? Успевали ли вы все вместе обдумать и отработать детали, нюансы?

– Мне этот процесс рождения мини-спектакля очень понравился. Известный во всем мире польский режиссер Ежи Гротовский как-то сказал, что уставший актер работает на сцене интереснее, полнокровнее, нежели отдохнувший и расслабленный. У него просто нет сил глубоко задумываться над обстоятельствами роли, то есть включать рациональное начало. Работает только актерская природа. А это иногда позволяет интуитивно добраться до таких глубин образа, какие словами подчас и выразить невозможно. То же самое происходит, по моим ощущениям, и с режиссером. В проекте типа «On-line» просто нет времени осознанно, взвешенно выстраивать каждую линию. Но когда встречаешь такое искреннее желание артистов работать, видишь их готовность к постижению, к «схватыванию» материала и бесстрашие по отношению к возможным ошибкам, ощущаешь их моментальную отдачу на каждое режиссерское предложение – то заряжаешься духом творчества. В процессе работы возникает какая-то новая энергетика, увлекающая всю постановочную группу. При обычном режиме работы над спектаклем о таком профессиональном воссоединении часто приходится только мечтать.

– Работа в творческих группах над пятью пьесами велась в рамках проекта «On-line» одновременно. Ощущали ли Вы некий дух конкуренции?

– Конечно. Было чувство олимпийца, которому дали старт к бегу по пересеченной местности. Но до тех пор, пока не обнаружишь систему условных знаков, не представляешь, где финиш и где соперники. Только на «On-line» не стояла задача прийти к финишу первой. Здесь важно было добиться интересного творческого результата и показать владение ремеслом, выстроить процесс создания спектакля и увлечь актеров.

– Опасности быть не понятым, на принятым специалистами и, главное, зрителями, присутствовавшими на итоговом показе, подвергались все участники спектакля: и режиссер, работающий «скоростным» методом, и актеры, которых за кулисами их коллеги сочувственно называли не иначе, как «комикадзе», то есть самоубийцы, и драматург, дебютный успех которого зависит от творческой результативности работы постановщика и исполнителей. Что для Вас было исключительно важным на том пути, который пройден в рамках проекта «On-line», о чем Вы, в первую очередь, заботились: о собственном самовыражении и необходимости создать себе на международном фестивале привлекательный профессиональный имидж? о судьбе автора пьесы и доверившихся Вам актеров? о конечном результате работы?

– О живом процессе. Я вся была сконцентрирована на работе с актерами. Отвлекаться на посторонние мысли, не имевшие прямого отношения к освоению драматургического материала и его сценическому воплощению, было невозможно. Я все время старалась различными способами поддерживать в актерам интерес к тому, что мы делаем, и поселять в них чувство радости от творчества. Потому что без радости, вдохновения невозможно получить хороший результат.

– А как Вы добиваетесь хорошего настроения на репетициях? Что это за «технологии» радости? (Моника засмеялась, но ответила неожиданно всерьез):

– Я думаю, что это честность – перед драматургом, перед актерами. И исполнители, и я понимали, что времени для работы катастрофически мало. Можно было слегка «развести» мизансцены и предложить для заключительного просмотра версию-иллюстрацию. Но мы старались докопаться до сути, помогая друг другу, радостно встречая каждое, пусть даже маленькое, но открытие нового смысла.

Я намеренно отодвинула на второй план поиск формы. При таком дефиците репетиционного времени я не считала возможным, забыв обо всем остальном, пытаться продемонстрировать какой я «оригинальный» режиссер.

– А Вам и артистам не жалко было расставаться, искусственно прерывать интересный творческий процесс?

– Это изначально диктовалось условиями проекта. Безусловно, первичный результат, который мы представили зрителям – не итоговый. Еще многие линии спектакля остались непропорисованными, но это не означает, что мы исчерпали себя и не знаем, что делать дальше. Получилось главное: мы вызвали интерес к пьесе и в неожиданном ракурсе представили новые возможности актеров. Как ни странно, после премьеры процесс поиска не остановился. Встречаясь с актерами в последующие дни фестиваля, мы продолжали фантазировать, обсуждать характеры и поступки персонажей – мы как бы «доигрывали» спектакль в нашем сознании. И мы не теряем надежды, что вот такая «живая» экспликация может послужить поводом для продолжения нашей совместной работы.

– У Вас сразу возник контакт с белорусскими актерами? Потребовался ли период адаптации, чтобы представители национальной театральной школы стали понимать профессиональный язык режиссера-иностранки?

– Здесь никакой проблемы не было, потому что я уже не первый раз встречаюсь с белорусскими актерами. Мне очень нравится их профессиональная подготовка. На это раз, они помогли мне адаптироваться, потому что я вела репетиции на русском языке, заменяя некоторые трудные слова польскими. Актеры помогли мне в этих случаях точно сформулировать мысли.

Выстроить наши неформальные отношения помогло то, что мы работали не только на репетициях. Все пять дней мы практически не расставались, продолжая углубляться в материал и узнавать друг друга.

– А как произошел выбор пьесы? Ваше желание учитывалось или Вы просто получили заказ на работу?

– В день приезда в Минск я успела прочитать все пьесы, предназначенные для проекта «On-line». И «Подари мне билет...» Павла Пряжко мне как-то сразу легла на душу.

К счастью, все приглашенные режиссеры оказались очень разными, и каждый из нас получил в работу тот материал, который ему изначально понравился.

– А как строилось общение участников спектакля с драматургом? Разговаривая с авторами, я поняла, что после распределения пьес они ожидали шквала вопросов от постановочных групп, но оказались в первый день совершенно невоображаемыми...

– Мы встретились с Павлом Пряжко, когда у творческой группы уже начинала складываться своя концепция.

– То есть вам не хотелось на старте работы прояснить для себя авторские смыслы, его логику?

– Нет. Это бы нам мешало. Актеры ведь – не марионетки. Важно было возбудить в них творческое начало, а не вталкивать в авторскую схему. Мы встретились с драматургом, когда между ним и участниками спектакля мог возникнуть предметный диалог. Мы уже имели свои наработки, и процесс общения стал взаимообогащающим.

– Насколько совпали позиции постановочной группы и автора?

– Во многом совпали. Главное расхождение было изначально предсказуемым: драматург – мужчина, я – женщина. Тема настоящего мужчины, одиночества героя мною воспринимались иначе, чем автором.

– Во время итогового показа проектных работ в зрительном зале я видела растерянных, находящихся в недоумении людей, которые с трудом воспринимали происходящее на сцене. Как Вы считаете, такая экспериментальная, рискованная для многих художников акция должна иметь выход на широкую зрительскую аудиторию? Может быть, имело смысл сохранить лабораторный формат проекта и на финал пригласить только участников фестиваля?

– Думаю, что зрителям было интересно увидеть в традиционном театре что-то непривычное, необычное, разделить волнение творческих групп. Хотя допускаю: не всех могло устраивать, что на сцене представлен только первый уровень освоения драматургического материала, а не завершённый спектакль. Может быть, организаторам подобных проектов стоит заранее объяснять зрителям заданные условия игры и суть эксперимента. Тогда в зрительном зале будут только те, кто готов к новациям, кто стремился попасть именно на это событие в рамках фестиваля.

– Как Вам кажется, а драматургия располагает ресурсами, чтобы всерьез заинтересовать современный театр, чтобы побуждать зрителей к восприятию экспериментальных работ?

– В театре опасны ярлыки. Ведь успех спектакля не всегда зависит от качества драматургии, а от умения театра вычленив проблему и увлекательно выстроить диалог со зрителем.

Пьесы, с которыми я ознакомилась в рамках проекта «On-line», представляют два направления в развитии современной драматургии: содержательное и формообразующее. Мне интереснее первое, и этим был обусловлен мой выбор. Но я не исключаю, что режиссеры другого склада могут убедительно и разительно развернуть драматургические заявки, представляющие второе направление, в полноценные спектакли.

Драматургия – только составляющая конечного театрального высказывания. То, что порадовало на «On-line» – все представленные тексты были оригинальными, со своей «изюминкой», не являлись лекалами известных драматургических моделей. Но главный позитивный итог проекта для меня не только в качестве драматургии, а в том, что художественный поиск, который вели совместно авторы пьес, актеры, режиссеры дал множество новых открытий имен и перспектив творческого сотрудничества.